

КОРОТКО О КНИГАХ

ЯН ГОЛЬЦМАН. Кочевье. Стихотворения. М. «Советский писатель». 1988. 176 стр.

Недавно с радостью прочла у Корнея Чуковского: «Я люблю конструировать личность поэта по еле уловимым чертам его стиля, по его инстинктивным пристрастиям, часто незаметным ему самому, по его бессознательным тяготениям к тем или иным эпитетам, образам, темам. Мне кажется, что только в бессознательных навыках творчества сказывается подлинная личность поэта».

У Яна Гольцмана таким инстинктивным пристрастием в первую очередь будет, конечно, постоянная фиксация птичьего многоголосья — причем чрезвычайно нюансированная как в музыкальном, так и в психологическом плане. Тут «трубят косачи» и «тетерева бормочут», тут слышны «причитания тощих чаек», и «голос вопленицы онежской», и «вороний карк», и «в напеве — высокая древность — и шелест, и скрежет и шелк», и «щелчок деревянный и гулкий». Тут «резок холодок озноба, когда заплачут кулики», а то вдруг вспомнится, как «журавлиным стоном оглашались дали» или как «зарянки... тоненькие тенькали»...

Сквозь эту «многоголосицу простора» поэт слышит саму жизнь — мудрую, мощную, беззащитную; многоголосье служит ему своеобразной моделью мира, потому что, как сказал когда-то Случевский:

В немолчном говоре природы,
Среди лугов, полей, лесов
Есть звуки рабства и свободы
В великом хоре голосов...

Ян Гольцман наделен строгим и непраздным пониманием природы, какое свойственно именно путнику, страннику, человеку, заслужившему своим образом жизни право обратиться к природе так: «твой работник и пленник».

В книге «Кочевье» есть пронзительные стихи о Грузии и стихи, написанные по мотивам древней грузинской поэзии. Однако мгновенное слияние внешнего впечатления с глубинным состоянием души происходит именно в стихах о русском Севере, здесь образуется сокровенное лирическое поле поэта.

Топи и острова. Поброди окрест,
И узнаешь один из ста —
Что бывает красная береста,
Что бывают гибельные места,
А других не бывает мест. —

путевой набросок на наших глазах перерастает в человеческую исповедь.

Трагическая нота отчетливо различима, казалось бы, негромких монологах Яна Гольцмана, который способен даже в скупом и сдержанном рисунке дать код времени:

«Напротив обкома партии встает, тяжело и строго, спаленный собор. Березка светит взамен креста» («Гомель»). Ощущая «эпоху массовой потравы, глобального лесоповала, отравы, рухнувшей на травы» (приближаясь к этой теме, голос Гольцмана становится напряженнее, резче, публицистичнее), поэт противостоит распаду и разрушению верой в трудную, но возможную гармонию. Тяга к изначальной, неискаженной красоте сквозит в самой завороченной детальности его набросков. Вот таежные цветы: «резные лапчатые листья, тугой малиновый бутон»... У Гольцмана мы видим не цветы вообще (как и не птиц вообще слышим), а непременно — саранки, жарки, подснежники... «Но фиолетовый кандык — всего красивей: еще летит метельный свист, когда из кочек встают его пятнистый лист и колокольчик». Заметим, что цветок с редким именем дан поэтом не в изящной статике, а в трудном преодолении — сквозь плотно противостоящую ему иную материю (близкий образ из другого стихотворения: среди тяжелых листов железа, в грохоте заводского цеха — несмотря ни на что восходит тоненький голос сверчка). Вообще если опять-таки следуя Чуковскому, вычленив еще одну бессознательную тему-образ у Гольцмана, то это будут разнообразные метафоры «близости взрыва», «грядущего восстания», исподволь зреющей ломки. Из этого инстинктивного ряда — излюбленные образы бутона ли, цветка ли под снегом, или подпочвенного ручья, чье «горло... глубоко уходит в темень» или ледника, теснящегося в скалах. «Как звенят над головою почки клена — зачехленные зеленые знамена!» Подобных метафор в книге — неслучайное множество, причиной чему и особенности чуть скованного поэтического темперамента, и сдерживаемая страсть, и, возможно, безвременье тех дней, когда создавалась книга «Кочевье», и наверняка иррациональное влияние Севера (а это основной энергетический источник, и материал, и фон стихов) на образность книги.

Татьяна Бек.

НАТАЛЬЯ КРЫМОВА. Любите ли вы театр? М. «Детская литература». 1987. 208 стр.

В новой книге Натальи Крымовой — старые имена. Герои ее прежних книг, статей, радио- и телепередач. Николай Симонов и Фаина Раневская. Вольдемар Пансо и Олег Ефремов, Верико Анджапаридзе и Игорь Ильинский, Татьяна Доронина и Иннокентий Смоктуновский, Микк Микивер и Сер-